

ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА Ш. ПЕГИ С ПОМОЩЬЮ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИМ БИБЛЕЙСКИХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В ЭССЕ «NOTRE JEUNESSE»

М.В. УСЕНКО

Московский Городской Педагогический Университет, Москва

В статье рассматривается процесс формирования речевого портрета Ш. Пеги с помощью используемых им библейских реминисценций в эссе «Notre jeunesse».

Ключевые слова: религиозный дискурс, библейские реминисценции.

FORMATION OF SPEECH PORTRAIT PEGGY S. VIA THE USED BIBLICAL ALLUSIONS IN THE ESSAY «NOTRE JEUNESSE».

M.V. USENKO

The article deals with the process of the formation of S. Peggy speech portrait with the help of biblical allusions used by him in the essay «Notre jeunesse».

Keywords: religious discourse, biblical reminiscences.

«Notre jeunesse» – это книга, на которую Ш. Пеги решался много лет. К ее написанию Ш. Пеги подтолкнула книга его коллеги Д. Галеви «Apologie de notre passé». В этой книге Д. Галеви возвращается к нашумевшему делу Дрейфуса, но не говорит всего того, что Ш. Пеги ожидает услышать. По мнению Ш. Пеги, Д. Галеви достаточно расплывчато описал это дело. Вот почему он считает своим долгом ответить ему. И отвечает посредством написания «Notre jeunesse». В «Notre jeunesse» Ш. Пеги делает из дела Дрейфуса начало того, что он называет республиканской гонкой. Говоря о гонке, нужно уточнить, что речь идет о едином ответе на призыв мистики. *«L'affaire Dreyfus aura ete le dernier sursaut, le soubresaut supreme de cet heroi'sme et de cette mystique, sursaut heroique entre tous, elle aura ete la derniere manifestation de cette race, le dernier effort, d'heroisme, la derniere manifestation, la derniere publication de ces families (de republicains)».* [2,10] Эти строки отражают всю политическую философию Ш. Пеги. Такие понятия как «*race republicaine*», «*mystique*», «*heroisme*», «*notre affaire Dreyfus*», противопоставляется «*qui fait le malin*». Ш. Пеги противопоставляет реальный мир, воодушевленный мистикой, миру интеллектуальному, миру «*ceux qui savent*», миру, который верит в ничто.

Мистика берет свое начало в даре скрижалей закона Моисею. Каждый раз, когда об этом заходит речь, всплывает это знаменательное и основополагающее событие. По мнению Ш. Пеги дело Дрейфуса - это «*l'affaire Dreyfus fut une affaire elue*» [2,40]. «*Elue*» поясняет автор, не только по отношению к еврейскому народу, но и потому что дает возможность проявить себя древнееврейской мистики, мистики христианской и мистики французской. Проявление этих мистик позволило пролить свет правды. Но еврейская мистика возродилась не благодаря капитану Дрейфусу, а благодаря Бернарду-Лазарю. Мистика, по мнению Ш. Пеги, может быть связана с историческим событием. Мистика побуждает человека к созиданию. Ш. Пеги называет своего друга Бернарда Ла-

зара «*l'homme de 50 siècles*». «*Homme*» в единственном числе, поскольку ответ на призыв мистики является личным ответом каждого.

Мистика, по мнению Ш. Пеги зародилась на горе Синай. Настоящее наполняется значимостью от воспоминаний прошлого. Для Ш. Пеги дело Дрейфуса было как мистический кризис, призыв закона из прошлого, такого близкого и одновременно такого далекого, первым который услышал Бернард Лазарь. «*Il y a une politique juive. Pourquoi le nier. [...] Elle est sotte, comme toutes les politiques. Elle est prétentieuse, comme toutes les politiques*». [2,50] Эту политику Ш. Пеги видит в принципиальном отказе еврейской общины защищать Дрейфуса во имя своей безопасности и даже комфорта во французском обществе. Ш. Пеги помнит о гонениях, которые испытывал еврейский народ, но не считает это оправданием бездействию. Причина, по которой существуют святые и герои, заключается именно в способности ответить на призыв мистики.

«*Quand il est dans une bonne plaine, bien grasse, où coulent les ruisseaux de lait et de miel, il ne demande qu'à ne pas remonter sur la montagne, cette montagne fût-elle la montagne de Moïse. Israël a fourni des prophètes innombrables*». [2, 62] Бернард-Лазарь был там, по мнению Ш. Пеги, чтобы сыграть роль пророка и взойти на гору. Ш. Пеги противопоставляет своему другу Бернарду-Лазарю буржуазный мир. Автор, в свойственной ему манере, пишет огромный портрет своего друга, который можно резюмировать такими важными словами: «*il était essentiellement pour la justice [...] Il était contre l'exception, contre la loi d'exception, contre la mesure d'exception, qu'elle fut pour ou contre, persecution ou grace. Il était pour le niveau de la justice* ». [2,82]

По мнению Ш. Пеги, дело Дрейфуса было проявлением не только еврейской мистики, но и мистики христианской. «*Notre dreifusisme était une religion [...] j'ajoute que pour nous, chez nous, en nous ce mouvement religieux était d'essence chrétienne*». [2,84] Основополагающим событием, источником христианской мистики, Ш. Пеги считает, воплощение. Ш. Пеги понимает христианскую мистику как призыв к справедливости, истинности и особенно к милосердию.

Рассмотрим подробнее, что и как Ш. Пеги пишет о милосердии. «*un miracle de charité*». [2,99] Действительно милосердие в наше время так редко встречается, что действительно похоже на чудо, и чудо когда это является не случайным поступком, порывом, а благодетель человека. «*Et de tous les sentiments qui ensemble nous poussèrent, dans un tremblement ... une vertu était au coeur et que c'était la vertu de charité*». [2,105] Отсутствие милосердия в современном мире очень страшит Ш. Пеги «*ce qui me frappe le plus, c'est certainement un certain manque de charité*». [2,105] Для Ш. Пеги дело Дрейфуса - это демонстрация французской мистики. В ходе этого дела французский народ проявил свои лучшие качества: доблесть, мужество, неспособность принятия несправедливости. Современное общество есть торжество буржуазии, буржуазия же видится Ш. Пеги противопоставлением французской или христианской мистики, таким образом, подавление заменяет справедливость, «*politique de la caisse d'épargne*». [2,85] уничтожает милосердие, а исторический прогресс уничтожает память. Ответ на призыв христианской и французской мистики объединил, как пишет Ш. Пеги, людей в народ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тайманова Т., Легенькова Е. Шарль Пеги и Французская академия // Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. 4: Французские чтения. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 43-51.
2. Charles Peguy, *Notre jeunesse precede par De la raison*, Paris, Folio, 1993.
3. Péguy au porche de l'église: Correspondance inédite Jacques Maritain — Dom Louis Baillet. Paris: Les éd. du CERF, 1997. — 249 p.